

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СЦЕН НАСИЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМАХ И ДЕПРЕССИЯ ЗРИТЕЛЕЙ

Л.Я. Дорфман, М.В. Зубакин

Приводятся результаты исследования психосемантических оценок сцен насилия в художественном кинофильме у зрителей-студентов и выраженности у них состояния депрессии. Было установлено, что кинофильм со сценами насилия по сравнению с кинофильмом без таковых оценивается в семантически негативном ключе, но как «активный» и «сильный». При этом у зрителей снижалась выраженность симптомов депрессии. Результатами дисперсионного анализа установлено, что психосемантические оценки зрителями сцен насилия в кинофильме и выраженность у них состояния депрессии изменяются совместно.

Ключевые слова: психосемантика, семантический дифференциал, сцены насилия в кинофильмах, депрессия.

Теоретические и эмпирические предпосылки исследования

Традиционно исследования восприятия и влияния сцен насилия на личность сосредоточены в контексте проблемы агрессии и агрессивности [3, 6, 8, 14, 15, 18, 28, 29, 31]. В многочисленных исследованиях, выполненных зарубежными и отечественными учеными, было обнаружено, однако, что сцены насилия в новостях, спортивных телепередачах, документальных и художественных фильмах вызывают широкий спектр когнитивных оценок и эмоциональных состояний, которые могут быть связаны как с последующей агрессией, так и с другими реакциями (например, страхом, тревогой, эмоциональной подавленностью [депрессией]). В данной работе приводятся результаты исследования у зрителей-студентов взаимосвязи психосемантических оценок сцен насилия в художественном кинофильме и выраженности у них состояния депрессии.

По мнению Е.Ю. Артемьевой [1], субъективный опыт служит регулятором и «строительным материалом» субъективного образа мира, «вычерпываемого» из Мира. Семантика является одним из слоев субъективного опыта и близка к системам значений в понимании «значений» Л.С. Выготским и «индивидуальных значений» («личностных смыслов») А.Н. Леонтьевым. При этом Е.Ю. Артемьева обозначает семантический слой понятием «картина мира». Последняя

«передает» образу мира синтезированные по разномодальным свойствам образы отношения к объектам, а не образы самих объектов. Носителями значения, наряду со структурами естественного языка, выступают такие знаковые системы, как, например, символические образы, «язык» искусства, в том числе «язык» художественного кинопроизведения. Инструментально такие отношения описываются методами экспериментальной психосемантики, позволяющими регистрировать следы взаимодействия с объектами на языке отношения к ним, работать с реконструкциями систем значений и их интерпретацией на языке значений [1]. Психосемантический анализ произведений искусства, в том числе художественных кинофильмов, широко используется в теоретических и прикладных исследованиях [1, 10, 11–13]. Однако такие проблемы, как «картины мира» в условиях восприятия сцен насилия в кинофильмах, в психологии субъективной семантики и экспериментальной семантики, остаются недостаточно осмысленными. В свою очередь, зарубежные исследования влияния сцен насилия в кинофильмах на зрителей выполнены, как правило, за рамками психосемантического подхода [3, 8, 15, 18, 28, 29].

В когнитивной модели депрессии А. Бека [7] депрессия рассматривается как психический феномен, характеризующийся негативным отношением человека к себе, негативной оценкой своего текущего опыта и

негативным отношением к своему будущему. В основе такого отношения лежит активация специфических когнитивных схем (идей и представлений о себе, ситуациях и окружающем мире), при помощи которых человек отсеивает, дифференцирует и кодирует информацию. Схема может быть в дезактивированном состоянии, но она легко может активироваться специфичным средовым стимулом (например, стрессовой ситуацией). В психопатологических состояниях, подобных депрессии, у человека нарушается восприятие стимулов; он искажает факты или воспринимает только те из них, которые вписываются в доминирующие в его сознании дисфункциональные схемы. Значения и смыслы, представленные в потоке его сознания, имеют исключительно негативную окраску, они категоричны и оценочны по содержанию, что порождает крайне отрицательную эмоциональную реакцию. Когнитивные схемы, связанные с депрессивным состоянием, обычно формируются в раннем детстве в ответ на такие ситуации дистресса, в которых ребенок не в состоянии сформировать когнитивную схему, позволяющую ему адаптироваться к ситуации. Во взрослом состоянии депрессивные когнитивные схемы могут активизироваться стрессовыми ситуациями, похожими на ситуации, испытанные в детстве [7]. Вопрос о том, могут ли сцены насилия в кинофильмах как аналогии дистрессов вызывать у зрителей когнитивные схемы депрессии, изучен недостаточно.

В настоящей работе, во-первых, применяется психосемантический подход к особенностям восприятия сцен насилия в художественных кинофильмах. Во-вторых, предпринята попытка ответить на вопрос о том, почему эти сцены в ряде случаев (чаще всего бессознательно) привлекают зрителей, несмотря на возникающие после их восприятия негативные мысли и переживания.

Излагаемые ниже исходные предпосылки настоящей работы основаны на теоретических положениях психологии субъективной семантики, а также на ранее полученных эмпирических данных об эффектах восприятия сцен насилия.

Первую группу предпосылок составили следующие факты. Во-первых, в ряде работ показана связь восприятия сцен насилия в масс-медиа с ростом агрессивности, в том числе агрессивных мыслей у зрителей [18, 23]. При этом учитывается, что одним из ком-

понентов агрессивности являются эмоции гнева [20, 25], а возникновение эмоций гнева сопрягается с ростом активности и напряжения [5]. Во-вторых, показано, что после восприятия сцен насилия в кинофильмах усиливаются негативные мысли и чувства, в том числе беспокойство, страх, тревога, отвращение [19, 20, 35]. На основании этих данных и с учетом терминов коннотативных значений семантического дифференциала Ч. Осгуда [9] можно было предположить, что сцены насилия в кинофильмах воспринимаются своеобразно, а именно: показатели фактора «оценка» смещаются в область негативных значений, а значения факторов «активность» и «сила» повышаются.

Вторую группу предпосылок составили следующие эмпирические свидетельства. В некоторых работах отмечается, что в ответ на сцены насилия в кинофильмах у зрителей усиливаются беспокойство, страх, тревога, отвращение [15, 26]. В других работах указывается на снижение депрессии, тревожности и раздражительности зрителей в ответ на восприятие сцен насилия в телесериалах и кинофильмах [27, 32, 33]. В связи с этим можно предложить о наличии альтернативных гипотез о состоянии депрессии зрителей в ответ на сцены насилия в кинофильмах. Выраженность состояния депрессии у зрителей может либо усиливаться, либо ослабевать.

Третья группа предпосылок касалась индивидуального семантического пространства. По мнению А.Г. Шмелева, оно может служить проекцией личностных особенностей субъекта и эмоциональных состояний, которые, в свою очередь, могут оказывать влияние на психосемантическую оценку сцен насилия в кинофильме [16]. Исследования А. Бека с соавторами указывают на то, что при депрессии происходит искажение когнитивных процессов, в том числе при восприятии и оценке ситуаций и стимулов [7]. Предполагалось, что индивидуальное семантическое пространство может служить проекцией эмоциональных состояний зрителя, возникающих при восприятии им сцен насилия в кинофильмах. Операционально это может означать, что психосемантические оценки зрителями сцен насилия в кинофильме и выраженность у них состояния депрессии взаимосвязаны.

В настоящей работе изложенные выше гипотезы подвергались эмпирическому тестированию.

Метод

В исследовании приняли участие 113 студентов в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 19,48$, $SD = 0,85$) факультетов физики и истории Пермского государственного педагогического университета, из них 59 – юноши и 54 – девушки.

Участники исследования в смешанных по полу группах (численностью от 5 до 15 человек) просматривали в случайном порядке 2 кинофильма, содержащих сцены насилия или не содержащих их. В соответствии с системой оценки содержания кинопродукции, принятой Американской киноассоциацией, кинофильмы относят к определенным категориям. В выполненном нами исследовании в качестве стимульного материала использовались кинофильмы 2 категорий: G и X . Просмотр кинофильмов категории G не ограничивается по возрасту; она включает в себя комедии положений, семейные фильмы, фильмы без сцен насилия или с весьма малым их количеством. Просмотр кинофильмов категории X разрешается лицам старше 16 лет: фильмы ужасов, боевики с множеством сцен насилия, показываемых с большой степенью реалистичности [14, 22]. В нашем исследовании стимульным материалом служили 2 кинофильма: «Трудности перевода» (реж. С. Коппола, фильм категории G) и «Техасская резня бензопилой» (реж. М. Ниспел, фильм категории X). Общее количество сцен насилия в кинофильме категории X – 53, их общая продолжительность составляла 27,8 минут (при общей продолжительности кинофильма 92 минуты). В кинофильме категории G сцены насилия отсутствовали.

Участники оценивали кинофильмы категорий G и X посредством стандартного 25-шкального вербального семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации А.М. Эткинда [17]). Эта методика позволяет выявлять психосемантические оценки, а также категоризировать их по факторам «оценка», «активность», «сила». Показатели выраженности состояния депрессии определялись вопросником депрессии А.Т. Бека [2]. Этот вопросник позволяет представить проявления депрессии в виде перечня наличия или отсутствия 21 ее симптома (настроение, пессимизм, чувство несостоятельности, неудовлетворенность, чувство вины, ощущение предстоящего наказания и т. п.). Результаты по этому вопроснику рассматриваются как с клинических, так и с психометрических позиций. В выполненной нами работе результаты анализировались с

психометрических позиций, поскольку выраженность симптомов определялась в количественном виде. Выраженность проявлений депрессии у зрителей определялась дважды, после просмотра ими каждого кинофильма по отдельности.

1. Тестирование первой гипотезы. Психосемантические оценки зрителями кинофильмов X и G (по факторам семантического дифференциала «оценка», «активность», «сила») сравнивались с помощью теста Вилкоксона. Применялся 2-факторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA по смешанному дизайну вида 2×3 : межгрупповой фактор – кинофильмы с уровнями G и X , внутригрупповой фактор – психосемантические оценки с факторами семантического дифференциала «оценка», «активность», «сила».

2. Тестирование второй гипотезы. Показатели выраженности проявлений депрессии зрителей (по отдельным симптомам, а также по агрегированному показателю депрессии) после просмотра кинофильмов категорий X и G сравнивались с помощью теста Вилкоксона. Также применялся 2-факторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA по внутригрупповому дизайну вида 3×3 : один внутригрупповой фактор – 3 симптома состояния депрессии после просмотра кинофильма G , другой внутригрупповой фактор – те же 3 симптома состояния депрессии после просмотра кинофильма X .

3. Тестирование третьей гипотезы. Совместные изменения у зрителей психосемантических оценок кинофильмов категорий X и G и проявлений депрессии определялись с помощью 3-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA по смешанному дизайну вида $3 \times 3 \times 3$: межгруппового фактора – «Изменение депрессии» (после просмотра кинофильма категории X в сравнении с просмотром кинофильма категории G , по 3 симптомам состояния депрессии), одного внутригруппового фактора – по значениям 3 психосемантических шкал «оценка», «активность», «сила» при восприятии кинофильма G , другого внутригруппового фактора – такие же оценки по этим психосемантическим шкалам при восприятии кинофильма X .

Результаты

1. Изменения психосемантических оценок кинофильмов с учетом их категории.

Различия между оценками кинофильмов X и G по факторам семантического диффе-

ренциала «оценка», «активность», «сила» приведены в табл. 1.

Фактор «оценка». В сравнении с восприятием кинофильма *G* оценки кинофильма *X* смещались к полюсам «печальный» ($z = 5,91, p < ,001$), «плохой» ($z = 6,17, p < ,001$), «темный» ($z = 8,92, p < ,001$), «противный» ($z = 7,28, p < ,001$), «горячий» ($z = ,69, p < ,001$), «шершавый» ($z = 7,60, p < ,001$), «влажный» ($z = 3,75, p < ,001$), «чужой» ($z = 5,64, p < ,001$), «злой» ($z = 9,04, p < ,001$), «унылый» ($z = 2,29, p < ,05$), «ненавистный» ($z = 6,69, p < ,001$), «гнилой» ($z = 6,62, p < ,001$), «глупый» ($z = 5,00, p < ,001$), «грязный» ($z = 8,84, p < ,001$). Агрегированный показатель шкалы фактора «оценка» также смещался к негативному полюсу ($z = 8,91, p < ,001$).

Фактор «активность». В сравнении с восприятием кинофильма *G* оценки кинофильма *X* смещались к полюсам «активный» ($z = 8,24, p < ,001$), «хаотичный» ($z = 6,04, p < ,001$), «сложный» ($z = 5,07, p < ,001$), «быстрый» ($z = 7,13, p < ,001$), «острый» ($z = 4,02, p < ,001$). Агрегированный показатель шкалы фактора «активность» также смещался к полюсу активности ($z = 7,70, p < ,001$).

Фактор «сила». В сравнении с восприятием кинофильма *G* оценки кинофильма *X* смещались к полюсам «тяжелый» ($z = 7,77, p < ,001$), «сильный» ($z = 6,21, p < ,001$), «большой» ($z = 2,18, p < ,05$), «напряженный» ($z = 8,59, p < ,001$), «твердый» ($z = 8,08, p < ,001$). Агрегированный показатель шкалы фактора «сила» также смещался к полюсу силы ($z = 8,57, p < ,001$).

Таблица 1

Различия в семантических оценках кинофильмов *X* и *G* ($n = 113$)

Семантические оценки	Средние значения и стандартные отклонения при восприятии кинофильмов		Тест Вилкоксона	
	<i>X</i> *	<i>G</i> *	<i>z</i>	<i>p</i>
Печальный – радостный*	2,25 ± 1,42	3,70 ± 1,55	5,91	,001
Плохой – хороший	2,68 ± 1,70	4,59 ± 1,82	6,17	,001
Темный – светлый	1,58 ± 0,82	4,99 ± 1,54	8,92	,001
Противный – приятный	2,27 ± 1,44	4,51 ± 1,70	7,28	,001
Холодный – горячий	4,63 ± 1,90	3,69 ± 1,38	3,69	,001
Шершавый – гладкий	2,54 ± 1,25	4,64 ± 1,51	7,60	,001
Влажный – сухой	3,32 ± 1,76	4,27 ± 1,50	3,75	,001
Чужой – родной	2,25 ± 1,45	3,62 ± 1,68	5,64	,001
Дешевый – дорогой	3,40 ± 1,67	3,61 ± 1,64	,91	н.з.
Злой – добрый	1,80 ± 1,24	5,65 ± 1,17	9,04	,001
Унылый – жизнерадостный	2,65 ± 1,56	3,19 ± 1,89	2,29	,02
Ненавистный – любимый	2,58 ± 1,46	4,09 ± 1,23	6,69	,001
Гнилой – свежий	2,61 ± 1,57	4,26 ± 1,30	6,62	,001
Глупый – умный	2,78 ± 1,54	3,95 ± 1,80	5,00	,001
Грязный – чистый	1,88 ± 1,09	5,22 ± 1,31	8,84	,001
<i>Оценка</i>	2,61 ± 0,77	4,26 ± 0,84	8,91	,001
Пассивный – активный	5,88 ± 1,48	2,73 ± 1,62	8,24	,001
Хаотичный – упорядоченный	2,90 ± 1,83	4,46 ± 1,71	6,04	,001
Простой – сложный	4,65 ± 1,95	3,12 ± 1,96	5,07	,001
Медленный – быстрый	4,95 ± 1,91	2,41 ± 1,63	7,13	,001
Тупой – острый	4,39 ± 2,10	3,35 ± 1,34	4,02	,001
<i>Активность</i>	4,56 ± 0,96	3,22 ± 0,86	7,70	,001
Легкий – тяжелый	5,91 ± 1,39	3,15 ± 1,80	7,77	,001
Слабый – сильный	5,06 ± 1,83	3,36 ± 1,60	6,21	,001
Маленький – большой	4,88 ± 1,55	4,38 ± 1,66	2,18	,03
Расслабленный – напряженный	5,96 ± 1,45	2,73 ± 1,70	8,59	,001
Мягкий – твердый	5,49 ± 1,38	2,99 ± 1,44	8,08	,001
<i>Сила</i>	5,46 ± 1,08	3,32 ± 1,05	8,57	,001

* В этой и последующих парах в данной таблице: 1 – полюс оценок первого значения; 7 – полюс оценок второго значения.

Общая психология, психология личности, история психологии

В терминах 2-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA (смешанный дизайн) межгрупповой (кинофильмы *G* и *X*) и внутригрупповой (шкалы семантического дифференциала) факторы взаимодействовали (Wilks' Lambda = ,215, $F(2,224) = 268,99$, $p < ,001$). При контрастном анализе (методом запланированных сравнений) уровень сцен насилия в кинофильмах и психосемантическое оценивание также взаимодействовали ($F(1,112) = 316,70$, $p < ,001$). Post Hoc сравнения (LSD-тест) свидетельствовали о том, что фактор «оценка» был выражен в меньшей степени при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G* ($p < ,001$). Фактор «активность», наоборот, был выражен в большей степени при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G* ($p < ,001$). Фактор «сила» также был выражен в большей степени при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G* ($p < ,001$). Значения средних и их стандартных отклонений приведены в табл. 2.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 1.

Таким образом, при психосемантической оценке сцен насилия в кинофильмах фактор «оценка» смещался в сторону негативных значений, а факторы «активность» и «сила», наоборот, смещались в сторону повышенных значений. В сознании зрителей сцены насилия/отсутствие сцен насилия в кинофильмах и их психосемантическая оценка взаимодействовали. Другими словами, обнаруживались значимые различия между кинофильмами *G* и *X* по агрегированным шкалам «оценка», «активность» и «сила».

2. Изменения проявлений депрессии после просмотра кинофильмов *X* и *G*.

Выраженность проявлений депрессии зрителей значительно изменялась после просмотра ими кинофильмов *X* и *G*. Такие различия были установлены по трем симптомам: несостоятельности, самообвинения, потери веса. Соответствующие данные приведены в табл. 3.

Таблица 2

Психосемантические оценки кинофильмов *G* и *X* (внутригрупповой 2-факторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA, средние и стандартные отклонения)

Кинофильм	Психосемантические оценки по факторам		
	Оценка	Активность	Сила
Без сцен насилия (<i>G</i>)	4,26 (0,84)	3,22 (0,86)	3,32 (1,05)
Со сценами насилия (<i>X</i>)	2,61 (0,77)	4,56 (0,96)	5,46 (1,08)

Примечание. Взаимодействия 2 (кинофильмы *G* и *X*) \times 3 (психосемантические факторы «оценка», «активность», «сила»), ANOVA/MANOVA: Wilks' Lambda = ,215, $F(2,224) = 268,99$, $p < ,001$, анализ контрастов, $F(1,112) = 316,70$, $p < ,001$.

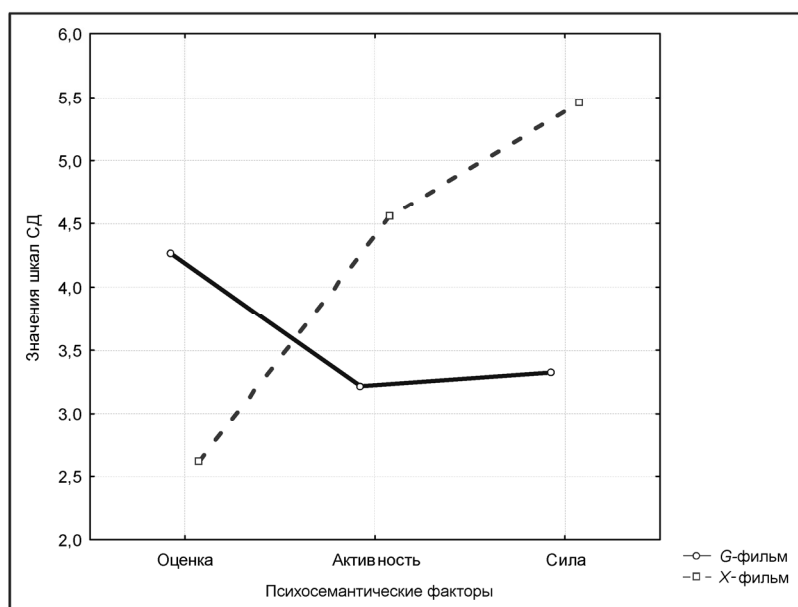

Рис. 1. Графики значений психосемантических оценок кинофильмов *G* и *X*

После восприятия кинофильма *X* (в сравнении с восприятием кинофильма *G*) у зрителей были менее выражены симптомы несостоятельности ($z = 2,03, p < ,04$) и самообвинения (в тенденции, $z = 1,78, p < ,07$) и, наоборот, более выражен симптом потери веса, т. е. возникало представление легкости тела ($z = 1,89, p < ,05$). Эти результаты свидетельствуют о том, что состояние депрессии зрителей (по указанным симптомам) ослабевало после восприятия кинофильма *X* в сравнении с восприятием кинофильма *G*.

Данные также подвергались обработке посредством внутригруппового 2-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA (внутригрупповой дизайн). Один внутригрупповой фактор включал симптомы несостоятельности, самообвинения, потери веса после просмотра кинофильма категории *X*. Другой внутригрупповой фактор включал эти же симптомы после просмотра кинофильма *G*. Эти факторы взаимодействовали (Wilks' Lambda = ,904, $F(2,224) = 4,64, p < ,01$). При контрастном анализе (методом запланированных сравнений) эти факторы также взаимодействовали ($F(1,112) = 7,93, p < ,01$). Post Hoc сравнения (LSD-тест) свидетельствовали о том, что показатель несостоятельности был ниже при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G* ($p < ,01$). Показатель самообвинения также был ниже при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G* ($p < ,05$). Показатель потери веса, наоборот, был выше при восприятии кинофильма *X*, чем кинофильма *G*

(в тенденции, статистически различия были незначимы). Представление снижения потери веса свидетельствует о появлении легкости и опять-таки о том, что состояние депрессии ослабевает. Значения средних и их стандартных отклонений приведены в табл. 4.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 2.

Таким образом, после восприятия сцен насилия в кинофильме *X* (в сравнении с кинофильмом *G*) у зрителей снижались симптомы несостоятельности и самообвинения, а также в тенденции повышался симптом легкости тела (потери веса). Другими словами, кинофильм *X* в меньшей степени вызывал состояние депрессии (по симптомам несостоятельности, самообвинения и потери веса), чем кинофильм *G*.

3. Совместные изменения состояния депрессии и психосемантических оценок кинофильмов *G* и *X*.

Данные подвергались обработке посредством 3-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA по смешанному дизайну вида $3 \times 3 \times 3$ (подробнее см. в разделе «Метод»).

Межгрупповой и внутригрупповые факторы взаимодействовали (Wilks' Lambda = ,929, $F(4,220) = 3,03, p < ,01$). При контрастном анализе (методом запланированных сравнений) эти факторы также взаимодействовали ($F(1,110) = 7,90, p < ,01$). Post Hoc сравнения (LSD-тест) в отношении факторов «оценка», «активность», «сила» и изменений выражен-

Таблица 3

Различия в выраженности симптомов депрессии после восприятия кинофильмов *X* и *G* ($n = 113$)

Симптомы депрессии	Средние значения и стандартные отклонения после восприятия кинофильмов		Тест Вилкоксона	
	<i>X</i>	<i>G</i>	<i>z</i>	<i>p</i>
Несостоятельность	1,10 ± 0,35	1,23 ± 0,61	2,03	,04
Самообвинение	1,18 ± 0,47	1,27 ± 0,52	1,78	,07
Потеря веса	1,09 ± 0,29	1,04 ± 0,19	1,89	,05

Таблица 4

Проявления симптомов депрессии зрителей после просмотра кинофильмов *G* и *X* (по данным внутригруппового 2-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA, средние арифметические и стандартные отклонения)

Кинофильм	Состояние депрессии		
	Несостоятельность	Самообвинение	Потеря веса
Без сцен насилия (<i>G</i>)	1,23 (0,61)	1,27 (0,52)	1,04 (0,19)
Со сценами насилия (<i>X</i>)	1,10 (0,35)	1,18 (0,47)	1,09 (0,29)

Примечание. Взаимодействия 3 (несостоятельность, самообвинение, потеря веса после кинофильма *G*) \times 3 (несостоятельность, самообвинение, потеря веса после кинофильма *X*), ANOVA/MANOVA: Wilks' Lambda = ,904, $F(2,224) = 4,64, p < ,01$, анализ контрастов, $F(1,112) = 7,93, p < ,01$.

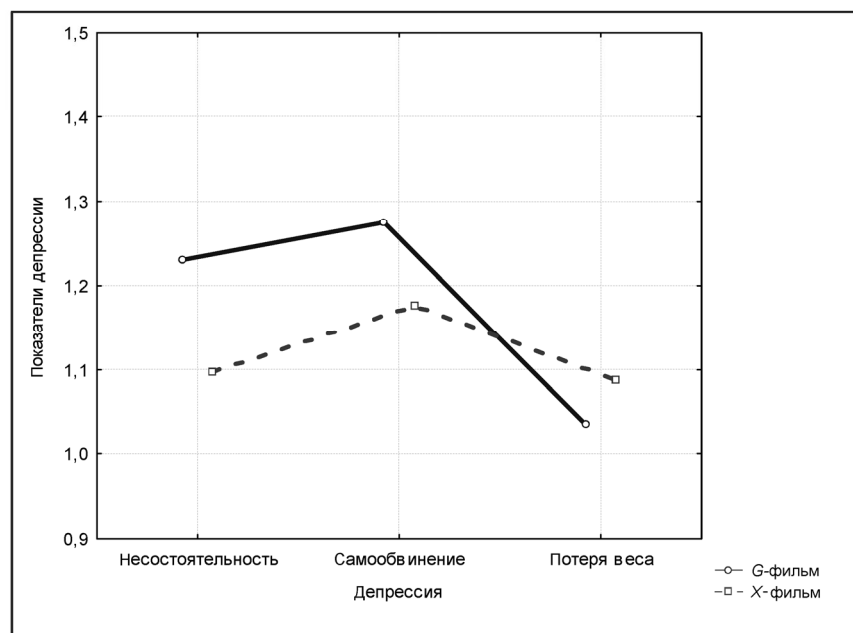

Рис. 2. Графики значений выраженности симптомов депрессии зрителей после просмотра кинофильмов G и X

ности проявлений депрессии свидетельствовали о следующем. При любых уровнях изменений состояния депрессии «оценка» была более низкой, а «активность» и «сила» – более высокой при восприятии кинофильма X, чем кинофильма G ($p < ,001$).

Значения средних и стандартных отклонений факторов «оценка», «активность», «сила» в зависимости от состояния депрессии приведены в табл. 5.

Полученные результаты свидетельствовали о совместных изменениях состояния депрессии и психосемантических оценок при восприятии кинофильмов G и X.

Обсуждение

Первая гипотеза о том, что кинофильм со сценами насилия по сравнению с кинофиль-

мом без таких сцен оценивается в негативном ключе, но как более «активный» и «сильный», получила эмпирическую поддержку. Полученные результаты соотносятся с данными, полученными С.А. Anderson и В.Ж. Bushman, Л. Berkowitz, Ж. Cantor и М.В. Oliver, Д. Unz, Ф. Schwab и Р. Winterhoff-Spurk [19, 20, 26, 35]. Кроме того, результаты восприятия кинофильма со сценами насилия по показателям «активность» и «сила» соотносимы с данными С.А. Anderson, Н.Л. Carnagey и Ж. Eubanks, Л. Berkowitz, В.Ж. Bushman и Р.Г. Geen [18, 20, 23].

Вторая гипотеза об изменениях выраженности симптомов депрессии зрителей после восприятия кинофильма категории X в сравнении с кинофильмом категории G получила эмпирическую поддержку в части ослабления,

Таблица 5
Значения психосемантических оценок кинофильмов G и X с учетом изменений проявлений депрессии (по данным 3-факторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA, средние арифметические и стандартные отклонения)

Уровни изменений проявления депрессии	Психосемантические оценки					
	Кинофильм G			Кинофильм X		
	Оценка	Активность	Сила	Оценка	Активность	Сила
Низкий	4,02 ± 0,78	3,10 ± 0,97	3,57 ± 0,84	2,65 ± 0,90	4,39 ± 0,98	5,17 ± 1,19
Средний	4,31 ± 0,88	3,29 ± 0,82	3,30 ± 1,14	2,67 ± 0,73	4,62 ± 0,93	5,49 ± 1,04
Высокий	4,43 ± 0,73	3,11 ± 0,85	3,02 ± 0,91	2,34 ± 0,68	4,55 ± 1,06	5,74 ± 0,97

Примечание. Взаимодействия 3 градаций уровня изменений состояния депрессии, 3 значений по психосемантическим факторам «оценка», «активность», «сила» при восприятии фильма G и 3 значений по психосемантическим факторам «оценка», «активность», «сила» при восприятии фильма X; ANOVA/MANOVA: Wilks' Lambda = ,929, $F(4,220) = 3,03$, $p < ,01$, анализ контрастов, $F(1,110) = 7,90$, $p < ,01$.

а не усиления проявлений депрессии. В сравнении с нейтральным кинофильмом *G* восприятие сцен насилия в кинофильме *X* приводило к тому, что у зрителей снижались чувства несостоятельности и самообвинения, а собственное тело представлялось как более легкое. Вместе с тем просмотр сцен насилия в кинофильме *G* не приводил к изменениям других симптомов депрессии, таких как пессимизм, чувство вины, неудовлетворенность, слезливость, утрата аппетита, раздражительность, отвращение к себе и другим. Эти результаты были подтверждены с помощью теста Вилкоксона. Результаты дисперсионного анализа также поддержали гипотезу об ослаблении симптомов депрессии у зрителей при восприятии кинофильма *X* в сравнении с кинофильмом *G* (симптомы несостоятельности, самообвинения, веса тела).

В целом полученные результаты о снижении проявлений депрессии зрителей при восприятии кинофильмов с насилием соотносятся с данными D. Linz, E. Donnerstein, S. Penrod, D. Zillmann и др. [27, 35]. Также наши данные соотносятся с результатами A.N. Siegel, S. Feshbach и R. Singer, которые обнаружили снижение напряжения и эмоциональное освобождение (катарсис) зрителей при восприятии сцен насилия в кинофильмах [30, 34].

Третья гипотеза – о взаимодействиях изменений депрессии и психосемантического оценивания кинофильмов с учетом их категории (*G* и *X*) – также получила эмпирическую поддержку.

Полученные в выполненном нами исследовании результаты о совместных изменениях проявлений депрессии и психосемантического оценивания кинофильмов категорий *G* и *X* косвенно соотносятся с процитированными выше данными Е.Ю. Артемьевой и А.Г. Шмелева о том, что индивидуальное семантическое пространство может служить проекцией эмоциональных состояний субъекта [1, 16].

Можно предложить следующие наиболее очевидные объяснения полученных результатов.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что отношение к кинофильму со сценами насилия может быть негативным в слое содержательном (эмоциональная оценка) и позитивным в слое энергодинамическом (рост активности и силы). Такое амбивалентное и противоречивое по знаку отношение к кинофильму со сценами насилия проецируется на семантическое пространство зрителей, придает, по-видимому, своеобразие категориально-

му строю их сознания в этих модусах состояний. Можно предположить, что кинофильм со сценами насилия кодирует информацию, содержащую в себе это двойное послание.

Если попытаться взглянуть на эту проблему глубже, можно обратиться к интерпретации шкал семантического дифференциала А.М. Эткинда, выполненной в рамках пространственно-временной теории психических процессов Л.М. Веккера [4]. Согласно такой системе интерпретации шкала «оценка» отображает смысл, «активность» – время, «сила» – пространство [17]. В этих терминах полученные нами данные можно понимать как сочетание негативно заряженного смысла с ускорением психического времени и расширением психического пространства, которые возникают у зрителей в ответ на предъявление кинофильма со сценами насилия. Иначе говоря, восприятие сцен насилия в кинофильме можно понимать как особое состояние сознания зрителей, которое связано со смещениями и модификациями субъективных смысла, времени и пространства.

Интересно взглянуть на это состояние сознания зрителей с учетом того обстоятельства, что оно сопровождалось снижением проявлений депрессии. Эти результаты можно толковать в терминах широко известной теории катарсиса, идущей от представлений Аристотеля, который связывал его с чувствами страха, жалости и сострадания. Согласно катарсической гипотезе восприятие агрессии и насилия способствует редукции гнева и агрессивных чувств, разрядке зрителей (см., напр.: [24]). Приведенные нами данные не позволяют напрямую что-либо говорить об агрессии зрителей. Но, судя по нашим данным о депрессии, можно полагать, что снижение выраженности депрессии происходит из того же «катарсического ряда», что и агрессия. Предположительно, отмеченные выше смещения и модификации смысла, времени и пространства придают своеобразие индивидуальному семантическому пространству и в то же время могут служить проекцией редукции состояния депрессии у зрителей. Не исключено, что под влиянием восприятия сцен насилия у зрителей вначале возникает напряжение между «оценкой» (смыслом) и «активностью» (ускорением течения психического времени), «силой» (расширением психического пространства), а затем наступает разрядка, о наличии которой косвенно свидетельствует снижение состояния депрессии. Напряжение и

разрядка, рассматриваемые совместно, действительно, могут свидетельствовать в пользу феномена катарсиса, возникающего в ответ на восприятие сцен насилия в кинофильмах.

Выводы

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Восприятие кинофильма со сценами насилия проявляется в особой структуре индивидуального семантического пространства, в категориальной перестройке сознания. В сравнении с нейтральным кинофильмом восприятие кинофильма со сценами насилия приводит к тому, что в сознании зрителей фактор «оценка» смещается в область негативных значений, а факторы «активность» и «сила» возрастают.

2. Восприятие кинофильма со сценами насилия приводит к снижению проявлений депрессии по симптомам несостоятельности, самообвинения, ощущения веса тела.

3. Восприятие кинофильма со сценами насилия приводит к тому, что изменения в структуре индивидуального семантического пространства сопрягаются с ослаблением проявлений депрессии.

4. Предполагается, что в ответ на восприятие сцен насилия в кинофильмах у зрителей может возникать феномен, в чем-то подобный катарсису.

Литература

1. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Смысл, 1999. – 313 с.

2. Бенз, И.А. Опросник депрессии Бека / И.А. Бенз // Шкалы для оценки депрессии. – М.: Сервье, 2002. – С. 16–19.

3. Берковиц, Л. Насилие в масс-медиа / Л. Берковиц // Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-Евроник, 2007. – С. 238–280.

4. Веккер, Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 670 с.

5. Дорфман, Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования / Л.Я. Дорфман. – М.: Смысл, 1997. – 424 с.

6. Ениколопов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии / С.Н. Ениколопов // Прикладная психология, 2001. – № 1. – С. 60–72.

7. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раиш, Б. Шо, Г. Эмери. – СПб.: Питер, 2003. – 304 с.

8. Крейхи, Б. Насилие и агрессия в средствах массовой информации / Б. Крейхи // Социальная психология агрессии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 113–147.

9. Осгуд, Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум // Искусствоведение: Методы точных наук и семиотики / сост. и ред. Ю.М. Лотман и В.М. Петров. – М.: Либроком, 2009. – С. 278–298.

10. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е доп. изд. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

11. Петренко, В.Ф. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» / В.Ф. Петренко, О.Н. Сапсалева // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 56–72.

12. Петренко, В.Ф. Художественные конструкты произведений искусства и массовых коммуникаций. Язык средств массовой информации / В.Ф. Петренко. – М.: МГУ, 2008. – 185 с.

13. Петренко, В.Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования сознания и личности / В.Ф. Петренко // Унив. вестн. СГУ. – 2003. – № 1. – С. 8–21.

14. Тейлор, Ш. Агрессия / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс // Социальная психология. – 10-е междунар. изд. – М.: Питер, 2004. – С. 583–643.

15. Харрис, Р. Насилие: так ли уж безобидны эти драки на экране / Р. Харрис // Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-Евроник, 2003. – С. 299–331.

16. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

17. Эткин, А.М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала / А.М. Эткин // Вопросы психологии. – 1979. – № 1. – С. 17–27.

18. Anderson, C.A. Exposure to violent media: the effects of songs with violent lyrics on aggressive thoughts and feelings / C.A. Anderson, N.L. Carnagey, J. Eubanks // Journal of Personality and Social Psychology. – 2003. – № 84, 5. – P. 960–971.

19. Anderson, C.A. *Human aggression* / C.A. Anderson, B.J. Bushman // *Annual review of psychology*. – 2002. – № 53. – P. 27–51.
20. Berkowitz, L. *On the formation and regulation of anger and aggression: a cognitive-neoassociationistic analysis* / L. Berkowitz // *American Psychologist*. – 1990. – № 37. – P. 245–257.
21. Bushman, B.J. *Catharsis, aggression, and persuasive influence self-fulfilling or self-defeating prophecies?* / B.J. Bushman, R.F. Baumeister, A.D. Stack // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – № 76, 3. – P. 367–376.
22. Bushman, B.J. *Media ratings for violence and sex: implications for policymakers and parents* / B.J. Bushman, J. Cantor // *American Psychologist*. – 2003. – № 58, 2. – P. 130–141.
23. Bushman, B.J. *Media violence and the American public* / B.J. Bushman, C.A. Anderson // *American Psychologist*. – 2001. – № 56, 6/7. – P. 477–489.
24. Bushman, B.J. *Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression* / B.J. Bushman, R.G. Geen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – № 58, 1. – P. 156–163.
25. Buss, A.H. *The psychology of aggression* / A.H. Buss. – New York: John Wiley, 1961.
26. Cantor, J. *Developmental differences in responses to horror* / J. Cantor, M.B. Oliver // *Horror films: current research on audience preferences and reactions* / J.B. Weaver, R. Tamborini (Eds.). – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – P. 63–80.
27. *Effects of opposite-gender companion's affect to horror on distress, delight, and attraction* / D. Zillmann, J.B. Weaver, N. Mundorf, C.F. Aust // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1986. – № 51. – P. 586–594.
28. Ferguson, C.J. *Blazing angels or resident evil? Can violent video games be a force for good?* / C.J. Ferguson // *Review of General Psychology*. – 2010. – № 14, 2. – P. 68–81.
29. Ferguson, C.J. *Media violence: miscast causality* / C.J. Ferguson // *American Psychologist*. – 2002. – № 57. – P. 446–447.
30. Feshbach, S. *Television and aggression* / S. Feshbach, R. Singer. – San Francisco: Jossey-Bass, 1971.
31. Hopf, W.H. *Media violence and youth violence* / W.H. Hopf, G.L. Huber, R.H. Weib // *Journal of Media Psychology*. – 2008. – № 20, 3. – P. 79–96.
32. Linz, D. *The effects of multiple exposures to filmed violence against women* / D. Linz, E. Donnerstein, S. Penrod // *Journal of Communication*. – 1984. – № 34, 3. – P. 130–147.
33. Linz, D. *Physiological desensitization and judgments about female victims of violence* / D. Linz, E. Donnerstein, S.M. Adams // *Human Communication Research*. – 1989. – № 15. – P. 509–522.
34. Siegel, A.N. *Film-mediated fantasy aggression and strength of aggressive drive* / A.N. Siegel // *Child Development*. – 1956. – № 27. – P. 365–368.
35. Unz, D. *TV news – the daily horror? Emotional effects of violent television news* / D. Unz, F. Schwab, P. Winterhoff-Spurk // *Journal of Media Psychology*. – 2008. – № 20, 4. – P. 141–155.

Поступила в редакцию 15.05.2012 г.

Дорфман Леонид Яковлевич. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Пермский государственный институт искусства и культуры. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Leonid Ya. Dorfman. Doctor of psychology, professor, the head of psychology and pedagogy department, Perm State Institute of Art and Culture. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Зубакин Максим Владимирович. Ассистент кафедры психологии развития, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru

Maxim V. Zubakin. Assistant of development psychology department, Perm State National Research University. E-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru